

**«ЖЕЛАЮ, ЧТОБЫ ВЫ ЗАНЯЛИ
ПРЕЖНЕЕ МЕСТО»**

Генерал-прокурор
Дмитрий Прокофьевич
ТРОЦИНСКИЙ

«ДЕЛО НЕ В ДОКЛАДЕ, А В ДОКЛАДЧИКЕ»

Занявший после И.И. Дмитриева место министра юстиции и генерал-прокурора Дмитрий Прокофьевич Трощинский родился в 1749 г. в Малороссии, в мелкопоместной шляхетской семье. Родители не смогли дать ему сколько-нибудь приличного образования. По его собственному признанию, «русской грамоте» он обучался у приходского дьячка. Однако тяга к знаниям была у мальчика настолько велика, что он пешком дошел до Киева, где и сумел поступить в духовную академию. Первое время ему приходилось перебиваться случайными заработками, составлять разным лицам письма и бумаги, чтобы иметь возможность заплатить за обучение.

В шестнадцатилетнем возрасте он поступает на военную службу и вскоре получает должность полкового писаря. Дмитрий Прокофьевич от природы был человек умный, сообразительный и инициативный. Он много читал, занимался самообразованием, пробовал писать. По службе проявлял большое старание и рвение, что не осталось незамеченным начальством. Именно благодаря своим личным качествам, он приглянулся тогдашнему генерал-аншефу князю Н.В. Репнину, под командованием которого служил. Во время русско-турецкой войны 1770-х годов Трощинский участвовал в походах русской армии, получил звание флигель-адъютанта капитанского чина и был назначен вначале секретарем при штабе, а затем и правителем канцелярии князя Репнина. При нем Трощинский служил почти десять лет, не раз сопровождая князя во время выполнения последним различных дипломатических миссий. Службой он был доволен, хотя и не все честолюбивые замыслы его исполнились.

В 1781 г. Трощинский серьезно заболел и вынужден был оставить военную службу. На гражданском поприще его ждала более успешная карьера. Он попадает в канцелярию к своему земляку и набравшему силу вельможе А.А. Безбородко и вскоре выдвигается в число лучших его сотрудников.

Александр Андреевич Безбородко был на два года старше Трощинского. Он также учился в Киевской академии, служил в канцелярии малороссийского генерал-губернатора графа Румянцева-Задунайского, участвовал в войне с Турцией. С 1775 г., когда он стал секретарем императрицы для принятия прошений, началось стремительное его возвыше-

А.А. Безбородко

ние. Екатерина II быстро оценила незаурядные способности Безбородко, его «сжатый и точный слог в деловых бумагах», необыкновенную память и исключительную работоспособность. Так он стал любимым ее докладчиком. Вскоре Безбородко становится фактически главой иностранной коллегии, «главным истолкователем и исполнителем намерений императрицы в делах внешней политики», главным докладчиком в Императорском совете. Им были написаны многие Высочайшие манифесты и именные указы. Императрица неоднократно и щедро одаривала своего любимца орденами и именьями, а в 1785 г. он получил графское достоинство.

Этот влиятельный вельможа и стал покровителем Троицкого. И надо отметить, что, разузнав выдающиеся способности своего помощника, Безбородко стал нещадно

эксплуатировать его, заставляя писать всевозможные бумаги. По его поручению Дмитрий Прокофьевич готовил проекты указов почти по всем сенатским тяжбым и уголовным делам, которые находились на контроле у Екатерины II. Когда Безбородко случалось бывать в отъезде, он обычно оставлял Трощинского вместо себя и поручал ему подносить на подпись императрице, через П.А. Зубова, различные бумаги. А вскоре ему представился случай и лично докладывать дела Екатерине II. Вот как описывает этот случай Н.И. Греч в своих «Записках о моей жизни»: «Безбородко... каждую субботу после обеда надевал синий сюртук, круглую шляпу, брал трость с золотым набалдашником и клал сто рублей в карман. Вооруженный таким образом, посещал он самые неблагопристойные дома. Зимой по воскресеньям бывал он всегда в маскарадах... и

Н.И. Греч

проводил время среди прелестниц часов до пяти утра. В восемь часов его будили, окачивали холодной водою, одевали, причесывали, и полусонный он ездил во дворец с докладом, но, перед входом в кабинет государыни, стряхивал с себя ветхого человека и становился умным, серьезным, дельным министром. Однажды государыня прислала за ним из Царского Села. Гонец застал его среди пламенной оргии. Безбородко приказал пустить себе кровь из обеих рук, протрезвился и отправился... Наконец государыне надоела эта гениальная распушенность, и она очень деликатно дала графу Безбородко почувствовать, что он стареет, что ему трудно рано вставать, и просила его присылать к ней, вместо себя, кого-нибудь из своих секретарей. Граф выбрал коллежского советника Дмитрия Прокофьевича Трощинского. Он ездил с докладами к государыне и вскоре заслужил ее благоволение. Она пожаловала ему (в этом чине) второго Владимира под предлогом, что не привыкла работать с секретарем без звезды*.

Благосклонность императрицы сказалась и на материальном его положении. Он получил богатые поместья с тремя тысячами душ в Киевской и Подольской губерниях. С этого времени начинается его быстрое восхождение по служебной лестнице. В 1793 г. он становится одним из многочисленных статс-секретарей императрицы и одновременно членом главного почтового управления. В его обязанности входило принятие докладов генерал-рекетмейстера, внутренней почты и частных прошений, подаваемых на Высочайшее имя, подготовка по ним ежедневных докладов Екатерине II.

В этих вопросах он оказался очень искусным. Трощинский любил повторять одну поговорку: «Дело не в докладе, а в докладчике», подчеркивая этим самым, что умный и ловкий чиновник всегда сумеет доложить дело в нужном ему ракурсе и провести выгодное решение. Сам он действительно умел убеждать императрицу.

Письма, по которым требовались проверки, он от имени Екатерины II направлял генерал-прокурору, обер-прокурорам, начальникам губерний, сенаторам и другим высокопоставленным чиновникам и контролировал исполнение.

Наряду с большими способностями Трощинский обладал и другими качествами, способствовавшими его быстрой карьере, — он умел угождать. Андрей Моисеевич Грибовский, бывший в одно время с Трощинским статс-секретарем Екатерины II, в своих «Записках» писал о нем:

«Трощинскому хотя и было около 50-ти лет, но казался он старее, роста был среднего, имел вид несколько угрюмый. Друзьям он был друг, а врагам враг. Он никогда не изменял прежнему своему начальнику и имел вместе с ним в комнатах государыни сильную партию. Дни рождения и именины графа Безбородко и других нужных ему лиц твердо помнил и никогда без хороших подарков в эти дни их не оставлял».

Вступление на престол Павла I, которое сопровождалось изгнанием с высоких постов всех екатерининских фаворитов и любимчиков, практически ничего не изменило в служебном положении Трощинского. Это объяснялось не столько личными качествами Трощинского, сколько тем, что его основной покровитель, Безбородко, сумел оказать Павлу I немалую услугу. После смерти Екатерины II ему было поручено разобрать бумаги, находившиеся в кабинете императрицы. Именно он передал Павлу I документы, относившиеся к намерению Екатерины II устранить своего сына от престола. После этого случая Безбородко приобрел полное «доверие и благоволение» императора, выдвинувшись в число главных его фаворитов. Павел I назначил Безбородко государственным канцлером, возвел в княжеское достоинство, подарил богатые имения. Эта благосклонность императора к Безбородко отразилась и на судьбе Трощинского. Он становится сенатором, председателем главного почтового управления, присутствующим в советах, учрежденных при Воспитательном обществе благородных девиц и училище Св. Екатерины, оставаясь к тому же и статс-секретарем.

Павел I проявил к нему тогда и необыкновенную щедрость, наградив за службу, он вначале пожаловал ему 1200 душ крепостных крестьян, а затем орден Св. Анны. В 1799 г. Трощинский был награжден орденом Св. Александра Невского и командорским крестом Св. Иоанна Иерусалимского.

Однако вскоре после смерти Безбородко Трощинский попал в опалу и 14 октября 1800 г. «по болезни» был уволен от всех дел.

«БУДЬ МОИМ РУКОВОДИТЕЛЕМ»

Новый взлет служебной карьеры Трощинского приходится на начало царствования Александра I. Но вначале была ночь с 11 на 12 марта 1801 г. Некоторые исследователи, например, Н.Эйдельман, считают, что Трощинский был в кур-

Александр I

се всех дел заговора против Павла I, присутствовал на тайном совещании у графа Зубова и даже подготовил черновой проект манифеста об отстранении Павла I от престола в пользу своего сына Александра. Однако это можно считать лишь одной из гипотез. Достоверно известно, что Троицкий в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. был действительно внезапно вызван в Зимний дворец. Вот как это происходило, судя по дневниковой записи А.С. Пушкина за 9 августа 1834 г.: «Троицкий в конце царствования Павла был в опале. Исключенный из службы, просился он в деревню. Государь,

ему назло, не велел ему выезжать из города. Троцинский остался в Петербурге, никуда не являясь, сидя дома, вставая рано, ложась рано. Однажды, в 2 часа ночи, является к его воротам фельдъегерь. Ворота заперты. Весь дом спит. Он стучится, никто не идет. Фельдъегерь в протаевшем снегу отыскал камень и пустил его в окошко. В доме проснулись, пошли отворять ворота — и поспешно побежали к спящему Троцинскому, объявляя ему, что государь его требует и что фельдъегерь за ним приехал. Троцинский встает, одевается, садится в сани и едет. Фельдъегерь привозит его прямо к Зимнему дворцу. Троцинский не может понять, что с ним делается. Наконец видит он, что ведут его на половину великого князя Александра. Тут только догадался он о перемене, происшедшей в государстве. У дверей кабинета встретил его Панин, обнял и поздравил с новым императором. Троцинский нашел государя в мундире, облокотившимся на стол и всего в слезах. Александр кинулся к нему на шею и сказал: «Будь моим руководителем». Тут был тотчас же написан манифест и подписан государем, не имевшим силы ничем заняться».

А.С. Пушкин, без сомнения, записал чей-то рассказ. Этим рассказчиком мог быть кто-либо из «общих знакомых» Пушкина и Троцинского. Б.Л. Модзалевский относит к их числу или же Н.В. Гоголя, или М.М. Сперанского. Он же в записи А.С. Пушкина нашел лишь одну неточность. Встретил Троцинского во дворце не Панин, а глава заговора против Павла I — Петербургский военный губернатор граф П.А. Пален.

В манифесте, написанном Троцинским, Александр I отрекался от политики Павла I и провозглашал, что отныне будет «управлять Богом нам вверенный народ по законам и по сердцу в бозе почившей августейшей бабки нашей государыни императрицы Екатерины Великой».

Сразу же по восшествии на престол, 13 марта 1801 г., император «повелел» Троцинскому «состоять при Особе Его Императорского Величества у исправления возложенных на него, по особой доверенности, дел». С этого времени он становится, правда, ненадолго, довереннейшим и наиболее влиятельным советником молодого царя. Он снова сенатор и главный директор почт.

26 марта 1801 г. был упразднен старый Императорский совет, а взамен его утвержден новый Совет «важнейших государственных дел», получивший чуть позднее название «Государственный». Троцинский, не освобождаясь от прежних должностей, назначается членом этого Совета и

главным начальником его канцелярии. Управляющим канцелярией был назначен действительный статский советник Вейдемейер, а начальником 3-й экспедиции — М.М. Сперанский. Последнему Троцинский поручил составление всех манифестов и указов, которые выходили в первые годы царствования Александра I один за другим.

15 сентября он получает чин действительного тайного советника.

В то время через Троцинского проходило много судебных дел, которые надо было докладывать императору. Он всегда поддерживал справедливые решения. Сенатор И.В. Лопухин в своих «Записках» рассказывает о таком случае. В конце 1801 г. он вместе с Ю.А. Нелединским-Мелецким был направлен «осматривать» Слободско-Украинскую губернию. В тюрьме уездного города Богучара Лопухин увидел колодника, с оковами на руках и ногах. Когда он подошел к нему, тот, зарыдав, повалился в ноги и просил избавить от гибели его и детей, которых у него было одиннадцать. Дело же оказалось в следующем. Некий однодворец Саласин в питейном доме за чаркой вина в ссоре с односельчанами, отвечая на придирки одного из них, сказал «простолюдинскую поговорку». Обиженный, по злобе, переиначив слова, донес начальству о том, что якобы Саласин оскорбил императора. Десять свидетелей подтвердили донос клеветника. Саласина осудили и бросили в тюрьму.

Лопухин и Нелединский-Мелецкий, изучив дело, пришли к заключению, что все свидетели имели причины лжесвидетельствовать против Саласина. После этого они направили Троцинскому выписку из дела, а также свою подробную записку, с обоснованием выводов о невинности Саласина. Одновременно они высказали и мнение, какие могут быть злоупотребления, если подобные дела не направлять на ревизию Сената.

Троцинский при докладе императору поддержал сенаторов, и тот принял решение освободить Саласина, а Сенату дать указ, чтобы все дела об оскорблении государя или его семьи обязательно вносились в Правительствующий сенат, который со своим мнением подносил бы их государю и ожидал его утверждения.

20 января 1802 г. Троцинский писал по этому поводу И.В. Лопухину: «Из Всемиловитвейшего рескрипта вашему превосходительству вместе с Юрием Александровичем (Нелединским-Мелецким — *Авт.*) данного, вы изволили

уже видеть, с каким расположением Его Императорским Величеством приняты донесения ваши об окончании порученного вам в Слободско-Украинской губернии следствия. Последнее ваше донесение об однодворце Саласине, судившемся в Богучарском уезде, не менее привлекло на себя внимание Монаршее, и вследствие оно не только дан Высочайший указ об освобождении однодворца сего, но и вообще предписано дела сего рода не вершить в губернских местах; но по ревизии их предоставлять в Правительствующий сенат, а ему доносить Государю Императору. Принося вашему превосходительству истинную благодарность мою за все благосклонные выражения и знаки доверенности, коими угодно вам было почтить меня во все течение сего дела, считаю себе приятным долгом соединить с вами совершенное мое удовольствие, что труды и просвещение ваши обратили на себя Монаршее благоволение».

В своих «Записках» И.В. Лопухин приводит и такой рассказ. Когда в 1801 г. Правительствующий сенат рассматривал дело по одной губернии о «сборах в пользу некоторых чиновников и для угощения губернатора и разных приезжающих знатных лиц», и между сенаторами возник спор, считать ли дозволенным поднесение хлеба и соли и дорогих угощений посещающим губернию вельможам, один только Трощинский поддержал И.В. Лопухина, считавшего, что такие подношения надо запретить и пресекать, как злоупотребления. Через два дня был издан именной указ, которым устанавливалось, чтобы чиновникам «отнюди ничего не подносить и не принимать с хлебом-солью».

Приходилось ему рассматривать и дела довольно анекдотичные. Сам Трощинский рассказывал своим слушателям такой случай. Одного харьковского помещика обокрала дворовая девка и бежала. Потерпевший подал объявление о побеге и розыске. Ее поймали и посадили под караул, а затем предали суду. Девка была смазливая, а судья человек «чувствительного сердца». Он захотел непременно оправдать красавицу. С этой целью он составил следующий приговор: «А как из учиненного следствия оказывается, что означенная дворовая женка Анисья Петрова вышеупомянутых пяти серебряных ложек и таковых же часов и табакерки не крада, а просто взяла и с оными вещами не бежала, а только так пошла, то ее, Анисью Петрову, от дальнейшего следствия и суда, как в вине не признавшуюся и неизобличенную, навсегда освободить».

Сенаторы вдоволь посмеялись над таким приговором, но все же его не отменили.

Троцинский хотя был умный и опытный царедворец, однако вскоре его потеснили молодые сторонники Александра I. На роль первых советников императора выдвинулись его друзья граф В.П. Кочубей, Н.Н. Новосильцев, князь А.Е. Чарторыский и граф П.А. Строганов, составившие так называемый Негласный комитет. Это объяснялось еще и тем, что императору нужны были перемены, а Троцинский, воспитанный в старых традициях, был приверженцем и убежденным сторонником устоявшихся форм правления. По мнению современников, его «отсталые понятия худо соглашались с направлением нового царствования». Только этим можно объяснить тот парадоксальный факт, что Троцинский даже не знал о подготовке манифеста об образовании министерств, хотя занимался этим его подчиненный Сперанский. С манифестом он познакомился только перед самым его обнародованием.

Прочитав манифест от 8 сентября 1802 г., Троцинский составил на имя Александра I пространную записку, в которой подробно указывал все «неудобства», возникающие вследствие образования министерств. Говоря о чрезвычайно обширной власти, предоставленной министрам, он замечает, что эти «всесильные сановники находятся вместе с тем в полнейшей зависимости от своих подчиненных, так как с заменю коллегий канцеляриями и с устранением из них контролирующего начала, которое воплощалось в коллегиях в лице прокурора, министры лишались всякой возможности распознавать в представляемых им бесчисленных докладах канцелярий правду от неправосудия и истину от лжи. Отсюда происходит, — писал далее Троцинский, — что в тех делах, кои особенно интересуют министров и на которые они обращают особенное внимание, министры суть настоящие супер-арбитры; во всех же прочих они суть только слабые орудия своих чиновников всякого звания, которые все пользуются равною привилегиею обманывать их, не подвергаясь никакому законному взысканию».

После образования министерств Троцинский занимает скромный пост министра уделов, продолжает заведовать почтой и руководить канцелярией утратившего теперь значение Совета. Все личные доклады императору вместе с управлением делами учрежденного Комитета министров перешло к Новосильцеву.

В 1802 г. Трощинский представил императору свое мнение по проекту указа о преобразовании Правительствующего сената, внесенного на рассмотрение Государственного совета. В проекте, например, указывалось, что решения Сената публикуются с кратким указанием, «в чью пользу они окончены». По мнению Трощинского, этого было недостаточно. Он предлагал публиковать решения Сената со всеми подробностями, «дабы присутственные места всегда имели перед собою пример законных суждений». Впоследствии так и стали делать. Трощинский считал также, чтобы Сенат в обязательном порядке направлял государю «представления» о «несогласных с законами или неудобных к исполнению указах» не только по судебным и тяжбыным делам, но и по всем «общим делам государственным». Он настаивал на том, чтобы Сенату было дано право определять кандидатов на должности губернаторов.

Вскоре после образования министерств Дмитрий Прокофьевич, не являвшийся активным сторонником проводимых молодым императором реформ, тяготившийся служебными обязанностями, которые теперь надо было постоянно увязывать с новыми веяниями, а также вследствие расстроившегося здоровья, подает прошение об отставке. Император ее принял. Незадолго до этого в особом рескрипте Александр I объявил Трощинскому Высочайшую благодарность за «попечительное управление» департаментами удельным и почтовым. В нем отмечалось: «Рассматривая донесения ваши о состоянии вверенных вам департаментов, удельного и почтового, с удовольствием вижу по первому из них соблюдение хозяйственной бережливости и пользы казенной во всех оборотах денежных сумм и капиталов, ему принадлежащих, рачительную деятельность в управлении подведомых оному крестьян, неусыпное попечение о их благе, доброе устройство и полезные успехи в заведениях, оному подчиненных, а по второму — значное и в прошлом 1805 г. приращение противу прежних лет почтового дохода и неупустительную точность в важном обращении сумм, переходящих по почте и простирающихся на многие миллионы».

Выйдя в отставку, Трощинский поселился в своем Полтавском имении Кибинцах. Там у него был деревянный дом, в два этажа, снаружи простой, но внутри богато обставленный, со множеством картин, фарфора, бронзы и мрамора. По праздникам в доме своем он любил принимать гостей, устраивать театр, так называемые «живые картины», маскарад. Многие малороссийские пьесы, до которых

Трощинский был большой охотник, сочинял для театра его дальний родственник В.А. Гоголь-Яновский, отец Николая Васильевича Гоголя.

С.В. Скалон, дочь писателя В.В. Капниста, автора знаменитой, некогда запрещенной комедии в стихах «Ябеда», жившая в молодости недалеко от имения Трощинского, писала, что во время отставки он проживал с семейством, которое состояло из единственной побочной дочери (Трощинский не был никогда женат) княгини Хилковой, зятя и двух племянников. В детстве он был очень беден и всего достиг сам. «И этот человек, — отмечала она, — достиг впоследствии без помощи чьей-нибудь, только трудом и умом своим, до такого возвышенного сана, сделался вельможей, полезным для отечества и в особенности для родины своей, получив в награду от государыни Екатерины II богатые имения. Он был очень дружен с отцом моим и вместе с ним заботился о благоденствии Малороссии. Эта любовь его к родине известна была не только дворянству, но и всему народонаселению».

В 1812 г. дворяне избрали Трощинского своим предводителем, а в июне 1814 г. по их поручению он отправился в Петербург, чтобы участвовать в торжественной встрече возвращавшегося из-за границы императора Александра I и для принесения ему поздравлений с благополучным окончанием войны.

«ПОРУЧАЮ ВАМ УСУГУБИТЬ НАДЗОР»

Пребывание в столице оказалось для Трощинского благотворным. Император Александр I вновь обратил свой взор на стареющего вельможу и 30 августа 1814 г. назначил его министром юстиции и генерал-прокурором. На этом посту он пробыл три года, с присущей ему энергией занимаясь многочисленными делами судебного ведомства и Правительствующего сената. В одном из своих писем от 5 сентября 1814 г. Трощинский сообщал: «Без отдыха сижу за делами по своему департаменту, о коем можно сказать с Давидом: сие море великое и пространное, в нем же гадов несть числа».

Вначале Трощинский предпринял попытку провести некоторые преобразования в Сенате и министерстве, но сколько-нибудь заметных успехов не добился. Разделенные ранее два отделения 6-го департамента он объединил в одно присутствие, но эта мера не сработала — стало накапливаться

множество нерешенных дел, и тогда он вновь вернулся к прежнему разделению департамента. Троцинский испросил Высочайшее позволение на учреждение особой канцелярии при общем собрании московских департаментов Сената, но и это мало помогло в делах.

Министр юстиции добился принятия Сенатом указа от 8 июля 1815 г. об учреждении при Сенате особого комитета для окончания дел по производимым губернскими комиссиями проверкам о недоимках по питейным сборам. По его же предложению 11 ноября 1815 г. Сенатом принят указ о вменении в обязанность губернаторам доносить Сенату о «важнейших обстоятельствах, замеченных ими при обозрении вверенных губерний, равно и о всех чрезвычайных случаях и происшествиях во всем государстве». Причем, делать это они обязаны были «без малейшего промедления, со всеми нужными объяснениями».

В январе 1817 г. по инициативе Троцинского было принято Высочайше утвержденное мнение Государственного совета, которое определяло случаи, когда дела, поступившие в Государственный совет из Сената, «должны быть обращены в оный к новому рассмотрению и решению». Сенату вменялось по возвращенным ему делам «чинить решение неукоснительно».

Один из первых биографов генерал-прокурора П. Иванов писал о нем: «Троцинский хотя не получил классического образования, но, имея светлый ум, наблюдательность, сам себя образовал в школе практических деловых упражнений, так что его проекты, мнения, министерские бумаги носят на себе отпечаток ясного понимания предмета, строгой отчетливости в изложении и, наконец, в них всегда преобладает практическая сторона относительно приведения в исполнение предполагаемого, которая приобретает только долговременным упражнением в делах. Он, как известно, много писал проектов по разным предметам, подавал замечательные мнения».

Троцинский умел безукоризненно докладывать дела. Он и от своих подчиненных требовал простоты и ясности при изложении обстоятельств дела, без всяких собственных замечаний. Когда же обер-прокуроры, особенно из молодых, по свойственной их возрасту запальчивости, позволяли себе неуместные замечания, он неизменно останавливал их словами: «Да уж, пожалуйста, не забегайте вперед воображением вашим».

Однако и на посту министра юстиции Троцинский продолжал оставаться таким же непримиримым противником

кардинальных реформ государственного устройства и законодательства, считая, что устоявшееся годами гораздо лучше нового и неизведанного. Особенно наглядно это проявилось при обсуждении в Государственном совете гражданского уложения, внесенного Комиссией составления законов. По указанию Александра I третья часть гражданского уложения (о договорах) должна была обсуждаться вместе с предыдущими двумя частями, уже рассмотренными и принятыми общим собранием Государственного совета. Этот проект был в свое время подготовлен М.М. Сперанским, находившимся к этому времени в «почетной ссылке». Одно имя автора проекта, попавшего в немилость к монарху, вызывало недоверие к самому проекту. Члены Государственного совета не решались ни поддержать проект гражданского уложения, ни категорически отвергнуть его. Они колебались, ожидая, по выражению Трощинского, «доколе флюгер укажет, на какую сторону обратиться».

Со своей же стороны министр юстиции сделал все от него зависящее, чтобы «флюгер» указал на отклонение проекта. Он выступил непримиримым противником предпринятой попытки улучшить гражданское законодательство, несовершенство которого бросалось в глаза всем передовым, демократически мыслящим реформаторам. Старое законодательство было серьезным тормозом на пути установления подлинного правосудия.

В 1815 г. Трощинский направил в Государственный совет свое мнение о проекте нового гражданского уложения. Оно представляло из себя обширную записку, в которой автор вначале обстоятельно проанализировал законоположения, определявшие круг действий и обязанностей Комиссии составления законов. Затем он критически рассмотрел общий состав гражданского уложения, существо конкретных, включенных в него норм закона, и, наконец, завершил своими примечаниями и заключением.

Трощинский подметил, что расположение основных частей уложения правильное, но разделение внутри самих частей очень непоследовательное. По его мнению, «квалификация вещей употреблена совсем не такова, какой быть надлежало: теорий много, а местных практических наблюдений совсем не приметно». Резкой критике он подверг разделы уложения, например, «о метрических свидетельствах», «о наследстве супругов» и многие другие.

В своих «примечаниях» Трощинский писал, что «проект гражданского уложения или весьма слабо, или совсем не был соображаем с отечественными постановлениями и мес-

тными обстоятельствами». Он считал, что авторами проекта «упущены из виду такие сведения, без которых едва ли можно приступить к началу великого дела составления новых законов».

Троцинский, как и другой противник проекта Шишков, считал, что подготовленное гражданское уложение «лишь испорченный перевод кодекса Наполеона». Он отмечал в записке: «Причины сии, конечно, гнездятся в самом кодексе и в софизмах новой философии, доказавшей заблуждения свои гибельными переворотами французского королевства. Не постигаю, как можно заимствоваться нам законами от ужасной революционной пропаганды. Как может ревнительный россиянин почитать себя счастливым, учреждаясь в кругу ближних своих сообразно с духом безбожнейшего властелина! Как может отец семейства, священник, дворянин, купец, мещанин, поселянин, как он может любить сии законы, когда приведет себе на память неслыханное зверство и пренебрежение всего святейшего, которые совершались в его отечестве, в его селении, в его доме, в его глазах, в его церкви и в самом алтаре, совершались как следствия лютых намерений Бонапарта, который стремился повсюду искоренить законную власть и древнюю веру».

Троцинский высказал мнение, что нужно «не теряя напрасно времени на рассматривание проекта, обратиться к составлению новых, снабдив притом трудящихся особым на тот предмет наставлением».

Проект гражданского уложения, в конце-концов, был возвращен в Комиссию составления законов. Троцинский был вполне доволен одержанной им победой. В одном из своих писем он подчеркнул, что его «удачная борьба с проектом привела в восхищение не только публику, но даже и двор».

Исполнение же Троцинским текущих дел по министерству юстиции и Правительствующему сенату становилось для него все труднее и труднее. Император теперь фактически не принимал министров с личными докладами. Все их представления направлялись к государю только через графа Аракчеева. Поэтому министры вынуждены были с четырех часов утра топтаться в приемной этого все сильного временщика, ожидая, когда он удостоит их своим вниманием. В таких условиях провести какое-либо решение было крайне затруднительно.

Вот что писал об Аракчеве мемуарист Е.Ф. фон-Брадке: «Что Аракчев человек необыкновенных природных способ-

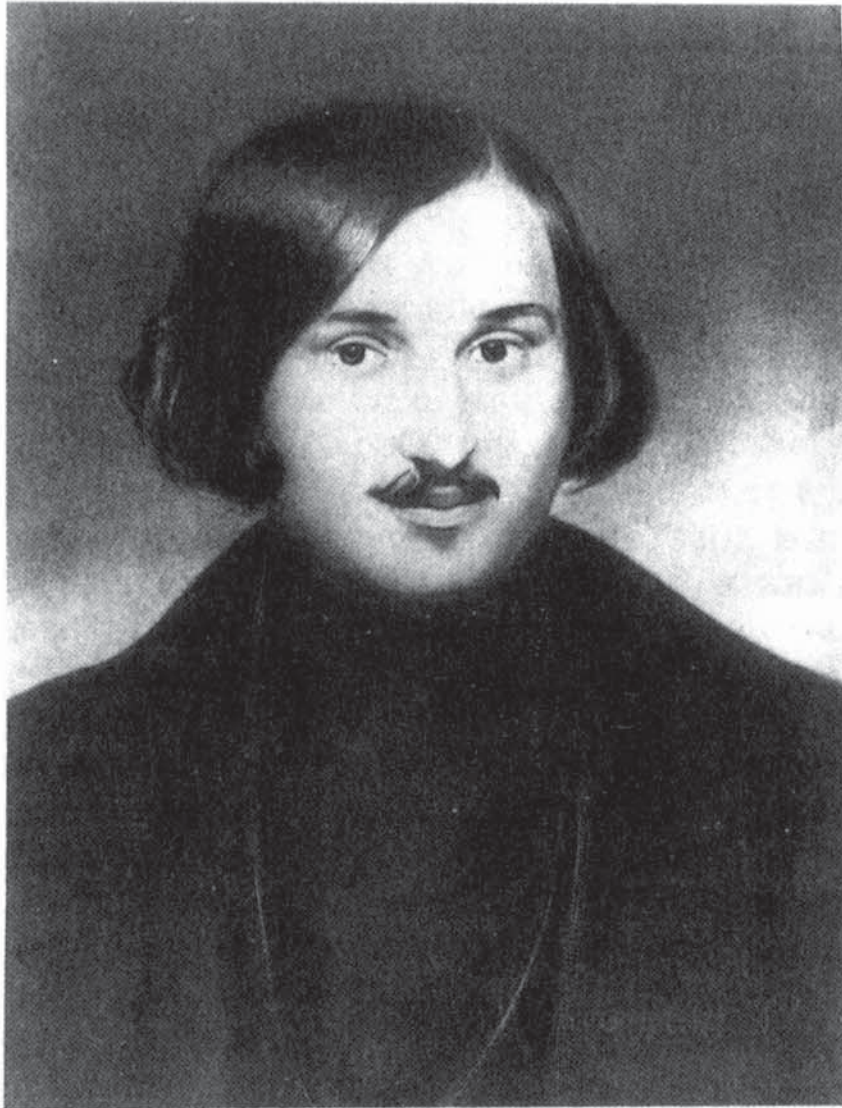
А.А. Аракчеев

ностей и дарований, едва ли может быть подвержено сомнению со стороны тех лиц, кто его хоть несколько знал и кто не увлекался безусловно своими предубеждениями. Быстро охватывает предмет, он в то же время не лишен был глубины мышления, когда сам того желал и когда она не вовлекала его в противоречия с предвзятыми его намерениями... Его отношения к императору Александру отличались ловкостью и тонким расчетом, но их нельзя было назвать честными... Его обращение с товарищами по службе было повелительное и весьма часто бессовестное и грубое. Обнаруживалось иногда и милостивое снисхождение; но я думаю, что едва ли кого-либо считал он своим сотоварищем».

К служебным затруднениям у Троцинского прибавились и личные. Он все чаще и сильнее прихварывал. В апреле 1816 г. он занемог так сильно, что вынужден был уйти в продолжительный отпуск. Управление министерством юстиции временно было поручено министру внутренних дел Козодавлеву.

К концу лета Троцинский несколько оправился от болезни. 5 августа 1816 г. Александр I направил на его имя следующий рескрипт: «Дмитрий Прокофьевич! По настоящем выздоровлении вашем от болезни, Я желаю, чтобы вы скорее заняли прежнее свое место и продолжали с прежнею деятельностью отправлять должность вашу. Я в полной к вам доверенности поручаю вам усугубить надзор, дабы дела как в Правительствующем сенате, так и во всех подчиненных ему местах, имели успешнейшее течение, чтобы законы и указы повсюду исполнялись неизменно, чтобы бедные и угнетаемые находили в судах защиту и покровительство, чтобы правосудие не было помрачено ни пристрастием к лицам, ни мерзким лихоимством, Богу противным и Мне ненавистным, и чтобы обличаемые в сем гнусном пороке нетерпимы были по службе и преследуемы со всею строгостию законов. В чем вы, по долгу звания вашего, неослабно наблюдать и о последствиях Меня в откровенности извещать не оставьте, донося равномерно и о тех отличных чиновниках, которых за усердную и беспорочную службу найдете достойными особенного Моего воздаяния».

Приступив после болезни к своим обязанностям, Троцинский направил Александру I записку «о таких предметах, кои не могут быть вносимы в Комитет министров, а требуют личного доклада Государю». В этой записке он подробно перечисляет законы, которые определяют круг деятельности генерал-прокурора и министра юстиции. Он приходит к заключению, что для генерал-прокурора «существует настоятельная необходимость в личных докладах Государю». Но от этого, замечает он, «проистекало много злоупотреблений», и большое количество дел, особенно «просительных», докладывалось императору «вовсе без всякой надобности». По его мнению, все дела, которые «излагаются на бумаге в виде всеподданнейших докладов, рапортов, записок, нужно исключить из личных докладов, потому что дела эти могут обращаться по роду своему: судные — в Государственный совет, а относящиеся до управления — в Комитет министров. Напротив, — отмечает он далее, — о всех тех обстоятельствах, которые опасно излагать на бума-

Н.В. Гоголь

ге, и знать кои нужно одному Государю, следует лично докладывать Его Величеству и тем самым содержать пост министра юстиции на той степени, которая соответствует сему званию для пользы государства».

Для этого, считает Троцинский, министру юстиции достаточно один или два раза в месяц иметь свободный доступ к императору, за исключением «особенных случаев», когда доклад должен быть представлен незамедлительно.

В 1817 г. Александр I очередным рескриптом поручил Троцинскому объявить Сенату, чтобы «все члены оного, памятуя священный долг, старались ревностно, по чистой совести, проходить настоящее свое служение и чтобы все съезжались в собрания и находились в положенные регламентом часы... Вам же, — отмечалось далее, — наипаче подтверждаю, по званию вашему, строго наблюдать за выполнением сего и Мне представлять о всем том, что будет

иметь и самый вид уклонения от общего порядка и правосудия».

Для такого строгого рескрипта были все основания — сенаторы, почувствовав слабину со стороны генерал-прокурора, стали слишком откровенно уклоняться от выполнения своих обязанностей и приезжать в Правительствующий сенат когда кому вздумается.

Трощинскому все труднее становилось держать «бразды правления», работать в полную силу он уже не мог. К тому же гордость не позволяла ему ездить с «поклонами» к Аракчееву, которого он недолюбливал. Он вновь заговорил об отставке.

25 августа 1817 г. Трощинский получил от Александра I письмо: «Удовлетворяя полученной Мною от вас просьбе, Я увольняю вас от службы, а в воздаяние долговременного

М.П. Бестужев-Рюмин

продолжения оной назначаю вам пенсион в десять тысяч рублей в год».

Первые годы после отставки Дмитрий Прокофьевич провел в Петербурге, наслаждаясь отдыхом и покоем, принимая в своем гостеприимном доме многочисленных гостей. В 1822 г. он уехал в Полтавское имение Кибинцы, близ Миргорода, где и провел остаток своей жизни.

Трощинский зажил на широкую ногу: балы, маскарады, театральные представления... В его доме была собрана богатая коллекция картин и оружия, великолепная библиотека со множеством книг, которая постоянно пополнялась выписываемыми из столицы новыми изданиями, журналами, газетами. Этой библиотекой, бывая в гостях у Трощинского, часто пользовался в детстве Николай Васильевич Гоголь.

В свое время Трощинский оказал определенные услуги отцу Николая Васильевича Гоголя — Василию Афанасьевичу, устроив его в почтовое ведомство для того, чтобы шли чины. В 1812 г. он был у Трощинского секретарем. По его предложению Василия Афанасьевича избрали предводителем миргородского дворянства. Он служил Трощинскому и позже, занимаясь его хозяйственными делами, ведя деловые бумаги и выполняя другую работу. «Благодетель»-родственник, правда, мог и накричать на Василия Афанасьевича, или, что еще было для него хуже, проявить свое неудовольствие молчанием, игнорированием, показывая свое превосходство. Такие сцены особенно сильно травмировали впечатлительного Николая Васильевича, и за это он недолюбливал Трощинского.

В доме у него часто собиралась молодежь. Там бывали и будущие декабристы, в частности, Матвей Иванович и Сергей Иванович Муравьевы-Апостолы, М.П. Бестужев-Рюмин и другие.

Продолжались дружеские отношения с семейством Капнистов. С.В. Скалон вспоминала: «Свидания наши с Д.П. Трощинским продолжались; по обыкновению к Троицыну дню они приезжали к нам, все устраивалось по-прежнему: те же прогулки по окрестностям, те же катания по воде...»

Умер Дмитрий Прокофьевич Трощинский 26 февраля 1829 г.

По свидетельству Бантыш-Каменского, незадолго до своей кончины Трощинский писал одному из давних приятелей: «Вижу, что борьба жизни моей со смертью скоро кончится, ибо последней служит надежной помощницей моя старость». За несколько дней до смерти он приобщился

Святых тайн, объявил собственноручное свое духовное завещание, а после соборования елеем «просил священников попеременно читать отходные молитвы и Евангелие, сохранив зрение, слух, память и совершенное присутствие рассудка. Многие бедные семейства, вдовы и сироты оплакивали в нем своего благодетеля».

Впоследствии современники писали о нем: «Трощинский с умом обширным и практически образованным, сердцем чувствительным и твердостью духа необыкновенною, соединял в себе и особенную любезность в обществе приближенных, которую сохранил и в последние дни свои».